18+

ЕЛЕНА ЯНГЕ

ЗДРАВСТВУЙ, ОТЕЦ

роман взросления, сказочная повесть

Елена Янге

Здравствуй, Отец

«Издательские решения»

Янге Е.

Здравствуй, Отец / Е. Янге — «Издательские решения»,

Роман «Здравствуй, Отец» — продолжение нашумевшего романа «Транс», финалиста премии «Ясная Поляна», который в настоящее время готовится к переизданию и своему второму рождению.Главная героиня романа больна ДЦП. Таша погружается в транс, и неведомые миры помогают выжить, где функция тела минимальна. А в реальной жизни Ташу окружают добрые и творческие люди, которые нуждаются в ее участии, так Таша становится соавтором сказочной повести «Приключения в Стране Чувств».

© Янге Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 7
Часть I. Ниточка света 9
Глава 1. Письма матери 9
Глава 2. Ноябрь 2011 11
Глава 3. Декабрь 2011 15
Транс 21
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Здравствуй, Отец

Елена Янге

«Быть несчастным — это привычка.
Быть счастливым — это тоже привычка.
Выбор за вами».
(Том Хопкинс)

Корректор Виктория Лакбильд
Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Елена Янге, 2026
© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5619-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда вышел роман «Транс», посыпались отзывы в «Лабиринте», на «Озон», LiveLib, Bookmix. Роман заметили, похвалили, для многих он стал настольной книгой. Да-да, мне писали не раз: «прочла, начала снова». Надо признаться, лучшая характеристика для романа, ибо говорит о многогранности смыслов. С первой главы я понимала, «Транс» не книга для пляжа или скоротать время в дороге; мой роман — для чутких. Для тех, кто в Пути. Им — мое посвящение.

Я рада, что написала «Транс», ибо понимаю, этот роман нужен всем — молодым, старым, больным и здоровым. Он говорит о том, что каждый из нас — Свет. С ним мы приходим, с ним уходим. А Тьма материальна, она — наносная, она нужна, чтобы обозначить границы, ведь жизнь на Земле дуальна. В ней есть верх и низ, любовь и ненависть, зло и добро, радость и грусть.

«Книга станет путеводной звездой для людей ищущих, а особенно для тех, кто только начал осознанную жизнь, поиск своего истинного «Я».

Елена Янге пишет о внутреннем свете, о том, что мы все, по большому счету «другие», о том, что внутренний мир важнее внешнего.

В романе «Транс» много света, мечты и снов.

Это роман — притча. О взрослении, о взлетах и падениях — о жизни. Роман предназначен не только для подростковой аудитории, он понравится и взрослым. Ведь жизнь — это и есть взросление. Как только человек перестает стремиться к непознанному, развиваться и расти, он перестает жить по-настоящему. А «Транс» учит быть счастливым, несмотря ни на что, после книги остается долгое — глубокое ощущение света, который тебя никогда не покинет. Потому что наш мир — прекрасен, и каждый нужен.

Очень порадовало окончание романа, мудрая душа — Андрей, сказки и притчи. Впечатление от прочтения — радужное, тёплое.

Рекомендую родителям читать вместе с детьми, роман, как и «Маленький принц» Экзюпери, способен покорить мыслящих, чувствующих, стремящихся к свету людей, независимо от возраста.

Такие книги сегодня — редкость».

Маргарита Пальшина,
книжный рецензент, писатель,
лауреат премии Золотое Перо Руси

«Это сильно. Это — чисто. Это важно для БЕЗНАДЕЖНЫХ, но не только для них. Это — утешение. Это вещь очень нервная, тонкая, по такой грани — между бытием, сном, болью, любовью — идти всегда очень страшно… но Елена Янге это сумела. И у этой книги будут благодарные читатели… Уверена! Это — Путь!»

Елена Крюкова,
писатель, поэт, искусствовед

Предисловие

Как говорят индейцы, у души не бывает радуги, если в глазах не стояли слёзы. Я плакала много лет и наконец увидела радугу. Её свет озарил тьму, и та двинулась к выходу. Меня заполнила пустота.

— Если к бытию не приставить мотив, жизнь не имеет смысла, — как-то сказал Андрей.

У меня не было ни мотива, ни смысла жизни. Были только страдания. Я походила на дерево, сваленное бурей. Но где-то внутри уже пробивался росток. Он зацепился за корень и потянулся вверх… Дальше — как в сказке Козлова:

«Я обязательно приду к тебе, что бы ни случилось. Я буду возле тебя всегда.

Ёжик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

— Ну что ты молчишь?

— Я верю, — сказал Ёжик».

И я теперь верю. Прежде всего в то, что безвыходных ситуаций не бывает. Мне помогли трансы. В них я карабкалась на стену, ела кашу из жита, разговаривала с Ангелом. И меня озарил свет. Тот, которого раньше не было. Почему — не знаю. Может, тьма закоптила сознание, может, свет летел по касательной.

— Тело — не главное, — учил Андрей. — Главное — душа. Именно она строит вектор развития. Тебе осталось выбрать занятие, где функция тела минимальна. И всё наладится.

Со временем я нашла такое занятие. А дальше — как в сказке.

Я встала и пошла.

Теперь я могу умыться, сварить кофе, могу выйти на улицу. Сама выйти, без посторонней помощи. Мой мир приобрёл длину, ширину и высоту. Раньше высоты не было. Большую часть дня я лежала на ковре и жалела себя.

«Не человек, а червяк, — думала я. — Движение — через боль, желание — через просьбу».

«Уходи», — говорила я матери.

И мать уходила. Всё дальше и дальше. А потом ушла навсегда.

Знаешь. Я видела во сне, как ты летаешь,
Как бережно ты к небу приникаешь
Метущейся нежною душой. Таешь.
Меня одну на свете оставляешь,
Я видела во сне, как ты летаешь,
Ты издали махнула мне рукой.

«Мама», «мамочка», «мамуля» — так я звала мать только в детстве. Позже — коротко: «мать».

Мама, прости!

Теперь я изменилась. Радуюсь жизни, пытаюсь делать добро, по вечерам гуляю с Аниным сыном. Да-да, Аня родила. Сейчас Алёше восемь месяцев. Удивительный мальчик. Розовощёкий, с голубыми глазами. Его взгляд будто говорит: «И здесь чудо, и там. Оно везде».

Всё верно, в мире много чудес. И сказок много. А в сказках, как в жизни: есть путь, испытания, выбор. Как же без выбора?

— Налево пойдёшь — коня потеряешь,
Направо пойдёшь — жизнь потеряешь,

Прямо пойдёшь — жив будешь, да себя позабудешь.

Последнее, на мой взгляд, самое страшное.

Часть I. Ниточка света

Глава 1. Письма матери

В комнату матери я заглянула спустя месяц после её смерти. Раньше не могла. Все эти дни я лежала на диване и тупо смотрела в окно. Ни мыслей, ни эмоций — одна пустота. Андрей заходил часто. Как правило, он садился на диван, брал меня за руку и что-то говорил. Я видела движение губ Андрея, но слов не понимала. То ли не слышала, то ли не впускала в себя.

Аня была рядом всегда. Она вспоминала мать, пыталась утешить, хвалила Андрея: дескать, хороший мужик, заботится о нас, предлагает переехать на дачу. Анины слова до меня долетали, но я на них не отзывалась. Мне было всё равно. Я чувствовала себя больной, потерянной, никому не нужной.

Через месяц я стала приходить в себя, и в голове появилась мысль: надо заглянуть к матери. Наконец я решилась. Осторожно открыв дверь, замерла на пороге. Широкая кровать, шкаф, итальянское бюро. Рядом с кроватью валялась сумка. Из неё торчал ноутбук. Я достала компьютер, поставила на зарядку. На экране появилась картинка: на склоне горы — девушка. Вернее, так: девушка была частью горы. С длинных волос струились ручьи, грудь освещало солнце. На груди девушки лежала папка «Письма Отцу». Раскрыв её, я увидела файлы: 2009, 2010, 2011.

«Странно, — подумала я. — Кому предназначены письма? Ведь дедушка умер в 1989 году».

Открыв первый файл, я приступила к чтению.

25 июля 2009 (утро)

«Здравствуй, Отец!

Видела странный сон: будто в комнате кто-то есть. Дальше я раздвоилась. Одна «я» лежала на кровати, другая смотрела со стороны. Шёлковое постельное бельё, кружевная сорочка. Я — бледная, словно покойница, только ресницы дрожат. И тут появился мужчина. На теле — белый хитон, волосы до плеч, на ногах — сандалии. Второе «я» наблюдало за ним из-за угла.

Мужчина сел на кровать, поправил подушку. Возник эффект переключения камеры. Крупным планом — большие глаза. Из них лился свет. Яркий поток света. Трудно передать ощущения. Мурашки по коже, за ними — тепло и покой. Словно вышла на берег и посмотрела вдаль. Далёкий горизонт, синяя гладь, тихий плеск волн. Крик чайки нарушил тишину. Крик вернул меня к жизни. Я села на гальку. Чайка сновала вверх-вниз, снова вверх…

«Мечется, как человек», — подумала я.

Взгляд устремился туда, где птицы не летают. И я увидела те же глаза. Большие, миндалевидные.

«Ты не одна, — сказали глаза. — Я с тобой». Душа всколыхнулась.

— Кто Ты? Бог, Учитель, Творец?

— Я — Отец.

— Господи!!!

— Спрашивай, говори, пиши. Не замыкайся в себе.

Я растерялась.

— Так взять и заговорить???

Глаза улыбнулись.

— Именно так.

— Я не знаю молитв…

— Предпочитаю то, что льётся из сердца.

Проснувшись, я огляделась. Всё как всегда: шкаф, кровать, кресло, торшер. По полу бежал солнечный луч. Видно, пробился сквозь шторы. Луч дрогнул, вскочил на трюмо и засверкал. На зеркале повисла радуга. Отразившись на потолке, радуга упала прямо на подушку. Значит, рассвет».

Забыв о времени, я листала страницу за страницей и наконец добралась до последнего письма.

27 августа 2011

Здравствуй, Отец!

Невыносимая боль. Не пойму, где болит. Позвоню Андрею.

28 августа мать умерла.

Я нажала кнопку «печать». Из принтера полетели листы. Они опускались на ковёр, как ворох осенних листьев. Казалось, это куски материнской души. Непонятой, недолюбленной. Прежде всего мной — её единственным ребёнком.

С кровати сполз пеньюар. Уткнувшись в него, я вошла в сказочный лес. Запах мха, осени, сосновой смолы. Я иду за закатным лучом, в руке — саквояж. Клетчатый, с золотистым замком. Ветки рябины бьют по лицу.

Знаю, надо спешить. Ноги — словно пружины. Р-а-а-аз. Оттолкнулась. Неужели лечу?

Среди деревьев появилась спираль. Будто змея. Встала на хвост, потянулась к небу.

— Лечу-у-у-у! — крикнула я.

Саквояж раскрылся. Белый водопад из страниц.

— М-а-а-а-ма-а-а-а!

Синь превратилась в бархат. Ярко блеснув, исчезла.

***

Вечер. Опять одна. Лушка на подоконнике. Облако. Прильнуло к стеклу. Смотрит на меня.

Придвинула к себе ноутбук. Опустила на клавиатуру пальцы. Открыла новый файл.

И, не промазав ни разу, написала:

«15 ноября 2011 г.

Здравствуй, Отец! Это я — Таша».

Подумав немного, продолжила:

«На мне — клеймо, имя ему — ДЦП.

За что наказали?

Зачем?

Мой мир — кошка Лушка, помощница по хозяйству Аня и бывший друг матери Андрей.

Моя мечта — ходить.

Счастье — это просто ходить.

Нет поручней, чтобы сесть на горшок, нет запаха испражнений, нет унижений.

Вот оно — счастье.

Сейчас услышу: «Счастье — это когда тебя понимают». Так рассуждают те, кто имеет подвижное тело. А у меня его нет. К тому же мне наплевать, понимают меня или нет. Без понимания прожить можно, а вот попробуйте прожить лёжа».

Глава 2. Ноябрь 2011

16 ноября

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Видела сон. Или вошла в транс?

Сначала слышала музыку. Пела одинокая флейта. Светло и грустно одновременно. Музыка шла сверху. Она бередила душу, звала. Я подошла к окну. Ясное небо, луна, россыпь звёзд. Одна из звёзд мигнула. Дескать, иди ко мне.

— Как? — беззвучно спросила я.

Звезда выпустила луч. Он дрогнул и побежал. Движение луча совпало со стуком моего сердца. «Тук-тук» — импульс, «тук-тук» — вперёд. Луч добежал до Земли и, пролетев над рекой, зацепился за подоконник. Окно распахнулось, и я полетела.

Меня сопровождал женский голос:

— Кто в этом теле — не понять,
И думой душу не обнять,
И сердцем не постичь.
Моё неведомое я,
Душа заблудшая моя,
На мой откликнись клич…

Голос пропал, и я увидела Ангела.

— Здравствуй, Таша, — сказал Ангел.

Я опустилась на полупрозрачную ладонь и, заглянув в глаза Ангела, увидела своё отражение. Странное, непонятное. Я походила на клубок. Его нити переливались всеми цветами радуги. Казалось, среди них прятался луч.

— Помнишь разговор? — спросил Ангел.

Луч выпустил импульс. На небе появилась картинка.

Ночь, облако, звёздная пыль. На облаке — Ангел. Я сижу на полупрозрачной ладони и смотрю на мерцающий шар.

— Тебе пора, — сказал Ангел.

— Я боюсь.

— Скоро вернёшься.

— Когда скоро?

— Лет через восемьдесят.

— Можно останусь с тобой?

— Нет.

— Почему?

— Ты — в пути.

И я полетела.

Воздух наполнил грудь, и я закричала. Тут же услышала голос:

— Таша. Девочка моя!

«Ясно. Я родилась».

Женское лицо пропало. Послышались звуки гитары. Первый аккорд, второй… и за вступлением голос Андрея:

— И, словно снежинки, в ночной тишине
Хорошие сны прилетают ко мне.

20 ноября

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Аня права: большую часть своей жизни мать плутала в лесу. Падала, вставала, переходила с тропки на тропку. Наконец вышла из леса. И получила в подарок любовь. Однако насладиться любовью не успела. И здесь ей не повезло.

Теперь понимаю: я была путами. Неудивительно, что мать любила стихи. Поэзия приподнимала её над землёй, а я возвращала в рабство.

Какая же я дрянь!

Мать ушла, я превратилась в ничто. Жалкое, мелкотравчатое.

22 ноября

Здравствуй, Отец!

Хорошо помню 19 марта 2011 года. Для меня тот день был переломным. Мать ушла на работу, я осталась одна. Было слышно урчание холодильника, тиканье часов, бульканье в батареях. Лушка зашла в комнату и, не взглянув на меня, прыгнула на подоконник.

«Вот стерва. Интересно, о чём она думает? Или не думает вовсе? Смотрит на дождь и слушает перестук».

— Луша, — позвала я.

В уме всё правильно, а прозвучало «У-ша». Точнее, что-то невообразимое. Не получилось ни «ш», ни «у». Оторвавшись от окна, Лушка повернулась в мою сторону. Дескать, тебе чего?

— Кис, — выдавила я.

Хотелось тепла.

Я попыталась улыбнуться. И это не получилось. Вместо улыбки — гримаса. Лушка спрыгнула с подоконника и, посмотрев на кефир, легла на мои ноги. Стало тепло. Мягкая шерсть, урчание, присутствие живого существа. Возникла иллюзия, что меня любят.

Раскинув лапы, Лушка задремала. Вот лентяйка. Два-три движения — и спит. Мне бы так. Диван, поддон, миска, а между ними — сон. И так всю жизнь. Может, я что-то не понимаю? Может, Лушка не спит? Уткнулась в живот и думает: «Вот колода. И чего развалилась? Встала бы, походила, как все…».

Щёлкнул замок. Аня пришла. Слышно, как встряхнула зонт, как пошла в туалет… Приподняв голову, Лушка взглянула на дверь.

Аня вошла в комнату. Румяная, светловолосая, толстая. Всё в обтяжку: кофта, брюки, жилет.

— Таш, привет. Позавтракала?

Лушка встрепенулась.

«Ясно. Мать её не кормила».

— Так не годится. Кефир не выпила, круассан не съела.

Аня присела на корточки и коснулась меня коленом. Запахло дождём.

— Хандришь?

Я вздохнула.

— Сейчас сварю бульон.

Бульон — моя слабость. Прозрачный, с золотыми бляшками, с веточкой базилика. Что говорить, радость. Мать этого не понимает. Боится, что поправлюсь, тогда меня не поднять.

Аня пошла на кухню. На пороге остановилась.

— Писать не хочешь?

Я покачала головой.

«С чего мне писать? Пью мало, ем ещё меньше».

— Таш, не ворчи, — ласково сказала Аня.

Я криво улыбнулась.

«Переживает за меня. А ведь переживание в её обязанности не входит. Мать платит за уборку, готовку, уход».

Я упёрлась в диван. Почуяв еду, Лушка выскочила на кухню.

«Ну и пожалуйста. Без тебя обойдусь».

Пальцы не слушались, однако удалось зацепиться за подушку. Осталось переместить её к ногам. Судорожные движения разогрели кровь.

«Вот и хорошо. Получилось. Теперь можно почитать».

Я пододвинула книгу, которую оставила мать, и перевернула несколько страниц. Медитация, транс, сон… Нет, это не моё.

Из книги вылетел листок и, ткнувшись в бедро, приоткрылся. Я увидела незнакомый почерк, мелкие корявые буквы.

«Лариса, оставляю свои впечатления. Скажу откровенно: я — в шоке. Подробности при встрече, здесь только эмоции и мои ощущения. Теперь понимаю, как увлекательны эти занятия. Целую, Андрей».

Далее — краткий рассказ:

«Впал в состояние транса. Был женщиной. Появились новые желания. Захотелось вилять задом, жмуриться, поглядывать из-под ресниц, томно вздыхать. Чёрт-те что. Ощущение, что схожу с ума. Тем не менее пошёл дальше. Понял, что должен (вернее, должна) кого-то соблазнить. Кого — не видел. Думаю, это неважно. Слышал свой голос, видел плавные движения рук, ощущал мощные удары сердца. Испугался последствий, вышел из транса. К чему приведёт опыт, не знаю. Возникла мысль: женщина желает быть объектом сексуального желания. Не обиделась?»…

Дальше было густо замарано. Но мне хватило и этого. Я получила подтверждение: у матери есть любовник.

Мысли зажужжали, как мухи. Я ощутила Событие. Именно так — событие с большой буквы. У меня закружилась голова. Хотелось одного — подумать.

«О чём?» — спросите вы.

О многом. Во-первых, о матери. До этого дня мать принадлежала мне. Теперь же в её жизни появился мужчина. Могу допустить, мужчины были и раньше. Но если и так, то за пределами моей жизни. Да-да, мужчин я не знала, не видела, не ощущала. В нашей квартире их не было. А теперь есть. Некий Андрей спрятался в записке и, судя по всему, влияет на мать. И на меня тоже. Как это у него? Вошёл в транс.

Интересно, как?

«Прочти, некоторым помогает», — положив книгу рядом со мной, сказала мать. Может, и помогает. Ясно одно: записка появилась случайно. Я свою мать знаю, душу она никому не откроет.

— Бульон готов.

Аня вошла в комнату и улыбнулась.

— Наваристый. И базилик положила.

Я поняла, что хочу есть.

— Сначала умоемся.

Схватив меня, Аня направилась в ванную. Сорок пять килограммов для неё — не проблема. Думаю, подняла бы шестьдесят.

— Помоем личико, почистим зубки…

Я сидела на Аниных коленках и дёргалась, пока Аня меня умывала, причёсывала, вытирала полотенцем.

— Глянь на свои глазки, — сказала она. — Краси-и-и-вые.

Посмотрев на себя, я отвернулась. Ничего хорошего. В моих глазах — боль и тоска.

— Теперь кушать.

Аня отнесла меня в комнату, накормила, вытерла рот, положила на диван и, прикрыв пледом, оставила одну.

Наконец-то. Что ни говори, жизнь — это суета.

25 ноября

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Время — странная штука. Оно может стоять, идти и бежать. Я знаю это по опыту. Когда сидела в болоте, время стояло. Дни сменялись ночами, люди рождались, влюблялись… а я, одинокая змея, шипела на весь мир. После знакомства матери с Андреем время пошло.

Я оказалась на берегу, солнце согрело душу, и вместо змеи появилась лягушка. Она квакала во всю глотку и смотрела на небо. Там и увидела буквы, сложившиеся в три предложения: «Старые мысли, как листья. Сбросив их, войдёшь в новую жизнь. Только так, не иначе».

С мыслями трудно расстаться. Спасибо Ане, Андрею. Помогли, подтолкнули. Тяжело развернувшись, мысли направились к выходу. Они надеялись, что позову.

Как бы не так.

Это было в августе 2011 года — незадолго до смерти матери. Тогда мне приснился сон.

Зима, мороз. Я стою среди деревьев и озираюсь по сторонам. В лесу никого, даже вороны улетели. И вдруг появился Медвежонок.

— Не горюй, — сказал Медвежонок и обнял меня за плечи. — Все мы одни.

Услышав эти слова, мне стало так хорошо, что по щекам потекли слёзы. Мы с Медвежонком стояли среди леса и плакали. Почему плакали, трудно сказать. И тут из кустов вылез Ёж. Он был одет по-зимнему. На колючках — телогрейка, на ногах — валенки.

— Привет, — сказал Ёж.

— Привет, — ответили мы с Медвежонком.

— Знаете, кто вы для меня? Вы — самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле.

До чего хорошо сказал!

Помню, мелькнула мысль: может, моё место в лесу? Светлая поляна, тридцать комариков, сорок лунных зайцев, белая лошадь в тумане.

Глава 3. Декабрь 2011

7 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Книгу, в которой лежала записка, я читала неделю. Дни сменялись ночами, мать приходила и уходила, а я постигала то, что мне приносило облегчение. Появилось подобие интереса.

«Что дальше? А вдруг…?!»

Восклицательный знак пронзал мозг, мысли приходили в движение. Тревожно и сладко одновременно. Чтобы отвлечься, я доставала записку.

«Впал в состояние транса. Был женщиной. Появились новые желания».

Эти слова будоражили воображение и дарили надежду.

«Если ему удалось, значит, бывает. Надо понять, и тогда…».

Что тогда? Встану, пойду? Нечего даже мечтать. А может, увижу мир? Какой он? Не тот, что рядом, — другой. Тот, что наполнен жизнью.

«Некоторым помогает», — сказала мать.

Значит, слышала, обсуждала. Эта мысль заставляла перелистывать страницы одну за другой.

«*Тело засыпает, разум бодрствует. Вы постепенно входите в транс».*

Ну же, скорее. Пусть моё тело заснёт. Пусть я пойду. В мечтах, во сне — неважно.

«*Вы теряете осознанность, тело становится уютным*».

У меня нет уютного тела. Ни днём, ни ночью. Неловкое, малоподвижное — да. А уютное…

Я осмотрела комнату. Диван, стол, комод, ноутбук… Ни одного яркого пятна. Разве что картина. Её подарила мать. На картине море. Видимо, шторм. На переднем плане — волна, заборонённый гребень. Под волной — лодка, в ней — рыбак. Руки подняты, в глазах ужас. Рыбак понимает: волна — это смерть. Его смерть. Неотвратимая, с космами по плечам. Выглянув из воды, смерть застыла. На миг или больше. Неважно. Смерть наслаждалась испугом.

Почему мать купила эту картину? Почему не мирный пейзаж, не дом на опушке? Может, в душе матери — шторм?

Не знаю. Мать не скажет, я не спрошу.

Мысль о штормящей душе пришлась мне по вкусу. Хотелось новых мыслей. И они пришли.

Мою судьбу испоганила мать. Зачем родила больную? Теперь вот мучается. Ну и пусть.

Я повернулась к окну и посмотрела на небо. Синее, с барашками облаков. Вчера было серым. Вот бы подняться в космос. Высоко-высоко. Наверное, страшно. Чёрное небо и звёзды.

Хлопнула дверь. Пахнуло борщом. С запахом прилетела мысль: жизнь состоит из мелочей. Моя жизнь. Мелкие мысли, мелкие события, мелкие ощущения. Я собираю пазл и пытаюсь найти место каждой мелочи.

Монотонная жизнь. Куцые впечатления. Звуки, запахи, чьи-то разговоры…

10 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Смотрела в окно и увидела облако. Оно остановилось, прильнуло к стеклу. Странное, будто вуаль. За облаком — две звезды. Холодные, но живые. Я напряглась, потянулась к окну. Будто хотела спросить.

Не получилось — голос пропал.

В окно заглянула луна, с нею — тоска. Липкая, щемящая. Она просочилась в комнату и, заглянув мне в глаза, уселась на плечи. Как тяжело. Хочется подойти к окну, вдохнуть серую мглу и крикнуть: «Почему я страдаю? За что?» Нет, не получится.

Опять появились звёзды.

«Какое странное человеческое существо, — казалось, говорили они. — Уродливое, жалкое, больное».

Порыв ветра открыл окно.

Почему так тревожно? Где точка, которая болит? Утром, ночью — всегда. И почему душа не летает?

МОЯ ДУША. Ползает, рвёт, превращает всё в груду тряпья. Затхлого, с полуистлевшими нитками.

Как жить, чтобы не захлебнуться от боли?

Тело дёрнулось, и я завалилась навзничь. Казалось, лечу по туннелю. Далеко впереди — глаза. Холодные, но живые.

Может, вошла в транс? Может, пойду?

Я перекувырнулась и… встала на ноги. Сделала шаг.

Какое блаженство! Я ШЛА. САМА ШЛА!!! Один шаг, второй, третий… Неведомые глаза следили за мной, звали к себе.

Вперёд. Быстрей. К свету. Наконец-то.

— Иду-у-у!!! — крикнула я.

Крикнула радостно, звонко. Без хрипа. Я развела руки, и стенки туннеля раздвинулись. Как в сказке. Глаза превратились в шары. Внутри меня всё дрожало, слёзы заливали лицо. Свет хлынул навстречу, вместе с ним хлынула боль. Адская боль. Она ударила в грудь, опалила мой мозг.

— А-а-а!!!

Из сердца вырвался крик. Да-да. Прямо из сердца. Будто открылась дверь, и из неё вылетел заряд. Ноги подкосились, и я упала. Ночь. Опять ночь.

13 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Я помнила мать с двух с половиной лет. Безупречный овал лица, большие глаза, соболиные брови. Красавица, фея, принцесса. Или Мадонна.

С трёх лет помнила грусть. Она была рядом всегда. Помню, как мать читала. В эти минуты грусть вырастала до вселенских размеров. У меня было желание броситься к матери и защитить.

«Родила царица в ночь не то сына, не то дочь. Не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку».

Мать вытаскивала меня из кровати и, взяв на руки, ходила по квартире.

«Несчастная, горемычная», — шептала она.

Кому были обращены эти слова, не знаю. Впрочем, неважно. Мы с матерью — горемычные обе.

14 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Рассказала Ане о полёте. Аня пришла в восторг. То ли порадовалась за меня, то ли вспомнила что-то своё. Оказалось, и то, и другое.

— И я летала во сне, — сказала Аня. — Лет в двенадцать. Хочешь, расскажу?

Я кивнула. Пусть расскажет.

— Начну с середины. Будто сижу я на дереве. Какая есть, такая во сне. Две косички, юбка в клетку, на ногах — башмаки. Сижу, значит… семечки грызу. И по сторонам смотрю.

«Кто бы сомневался», — подумала я.

— Лес — светлый. Клёны да дубы. На поляне — зайчики.

— Настоящие? — спросила я.

Аня улыбнулась.

— Солнечные. Прыгают, среди цветов кувыркаются. И вдруг… я поднялась и полетела. Сама. Представляешь?

Трудно было представить, но проще кивнуть, чем ответить.

— Сначала летела вверх, а как поднялась над лесом, легла на живот. Парю, словно птица, и чувствую: ничего мне не надо. Ни денег, ни дома, ни подруг. Летела бы так и смотрела вниз.

Аня вздохнула.

— И тут я почувствовала щекотку. Будто пером по ноге провели. Смотрю, на пятке зайчик сидит.

— Какой зайчик? — удивилась я.

— Солнечный. Какой же ещё? Золотые ушки обвисли, а сам лапками утирается. И… плачет. Жалобно так. Ну и я разревелась.

— А что дальше — упала?

— Нет. Перевернулась.

«Значит, полетела животом кверху». Что ни говори, но точность в выражении мыслей люблю с раннего детства.

— Смотрю, появилась рука. Большая, оранжевая. С толстыми пальцами. Рука подхватила зайчика и пропала.

Я подняла брови. «Что за бред?»

— Не поняла? — рассмеялась Аня. — Это была солнечная рука. Она схватила малыша и отнесла домой — в солнечный домик. Здесь я проснулась. Рассказала матери сон, она взяла и потащила меня к бабе Дуне.

— Зачем?

— Баба Дуня — знахарка в нашей деревне. Она и раны заговаривает, и сны толкует… Баба Дуня выслушала меня и ну задавать вопросы. Где летала? Какой лес? Всего не упомню. Потом сказала: «Как вырастешь, высоко заберёшься. Из деревни уедешь. Потянет тебя к мужикам. С одним поживёшь, с другим…». Тут мамка глазами как сверкнёт… Ну, думаю, сейчас разорётся. Однако сдержалась. Сидит, будто сыч, глаза в пол, и молчит. «Потом заболеешь», — продолжила баба Дуня. Зыркнув на меня, мамка окаменела. Видимо, забоялась.

«„Зыркнув на меня“, „забоялась“, — отметила я. — Деревенскими словами так и сыплет. Будто семечки грызёт».

«То, что солнце во сне пришло, это хорошо, — сказала баба Дуня. — Значит, зло от тебя отступит».

«А солнечный заяц? — подумала я. — Он с какого рожна?»

Аня будто услышала.

— По словам бабы Дуни, страхов у меня много. Прыгают, как зайцы, житья не дают. Однако скоро они пройдут.

Я усмехнулась. «Вот умора. Сядет заяц на пятку, и страхи пройдут».

— Как говорила баба Дуня, так и случилось. Окончив школу, я устроилась секретарём в сельсовет. За большим письменным столом сидела. При бумагах, печати. И в чистом виде весь день. Чёрная юбка на мне, блузка, туфли…

Аня вздохнула. Видимо, эти воспоминания были для неё самыми сладкими.

Затем сделала вывод:

— Так что права баба Дуня — стоило мне подрасти, высоко забралась.

Анина наивность поражала. Тридцать лет, а словно ребёнок.

«За большим письменным столом», «при бумагах, печати». Прямо начальник. Я усмехнулась.

Однако остались вопросы. По словам бабы Дуни, Аню должно потянуть к мужикам. Почему должно? Хотела спросить, но… не стала. «Сама расскажет. У неё не задержится».

Аня уселась на диван и, достав катушку с крючком, принялась плести кружева. Без дел она не сидела.

— Мамке салфетку вяжу. На восьмое марта.

Салфетки меня не интересовали. Скосив глаза, я взглянула на узор и тут же уставилась в окно. Небо будто помыли. Чувствовалось, день-два, и наступит весна.

— К мужикам потянуло лет с двадцати, — сказала Аня.

Я встрепенулась. Что говорить, интересная тема.

— Сначала влюбилась в агронома. Он был высоким и справным. А главное — образованным. Приехал в деревню из города. То ли практику проходил, то ли к месту приглядывался. В сельсовет забегал каждый день. Глаза голубые, и такой обходительный, что я влюбилась.

Аня пересчитала ряды на салфетке и опять взялась за вязанье.

— Нюрочкой меня называл. То шоколадку принесёт, то платочек. Однажды подарил колечко. Простенькое такое — ободок и цветок в середине. Будто лазоревый.

«Видно, голубая эмаль», — подумала я, но вслух не сказала. Боялась вспугнуть.

— У меня пальцы — толстые. Сама знаешь. Колечко налезло на мизинец. Так и ходила.

— Долго?

— Месяца три.

— А потом?

— Потом, как в романе. Помиловались, и он меня бросил. Хорошо, не понесла от него. Мать бы убила. Аня откусила нитку и убрала вязанье.

— Жуть как переживала. Чтобы поплакать, ходила в лес. При матери разве поплачешь? А через месяц уехала.

— В Москву? — спросила я.

— Нет, — ответила Аня. — Сначала в Павлов Посад. Он к нашей деревне ближе.

Подхватив Лушку, Аня вышла из комнаты. Я осталась одна. Чужая судьба разворошила мои мысли, и собственные проблемы отошли на второй план.

«Надо же. Влюбилась, помиловались, обманул. Это всё из другой жизни. Что значит, влюбилась? И как обманул?»

Конечно, о любви я читала. Но роман — одно дело, живая история — совсем другое. Дверь была приоткрыта, и я слышала, что происходило на кухне. Сначала лилась вода, и Аня гремела тарелками. Видимо, мыла посуду и ставила в шкаф. Затем хлопнула холодильником, застучала ножом. Послышалось хлюпанье, затем песня. Аня начала её тихо, затем голос окреп.

— Кого ждала, кого любила я,

Уж не догонишь, не вернешь.

Громко высморкавшись, Аня запела в полный голос:

— За той рекой, за тихой рощицей,

Где мы гуляли с ним вдвоем,

Плывет луна, любви помощница,

Напоминает мне о нём.

Я скривила губы.

«Разве Анины страдания сопоставимы с моими? И что она знает о страданиях? Подумаешь, агроном бросил. Зато бегает, как кобылица — только бока трясутся. А я ползаю. И то с трудом. И любви у меня не будет. Никогда». Какое страшное слово. В нём — вселенская грусть.

18 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Помню, Аня влетела в комнату и, подхватив меня, закружила в вальсе.

— Я пригласить хочу на танец… Вас, и только вас…, — запела она.

От Ани шла такая энергия, что закружилась голова. Я прижалась к большой, тёплой груди и улыбнулась. Будто свежим ветром подуло.

— Представляешь, Лариса Валентиновна предложила мне переехать. — Куда? — разволновалась я. — К вам.

Вот это новость. Такого от матери я не ожидала. И с чего это вдруг? Аня посадила меня на диван и, не в силах остановиться, сделала ещё один круг.

— Пара-пара-пара, пам-пам! Пара-пара-пара, пам-пам, — напевала она.

«Похоже, „Сказки Венского леса“», — подумала я.

Аня остановилась и широко улыбнулась.

— Давно хотела у вас пожить. Просторно, красиво… Да и ездить никуда не надо. Скажи, повезло?

Я знала, Аня снимает в Москве комнату. Не одна снимает — с подругой.

— Как же твоя подружка? — спросила я.

— Ничего, найдёт себе пару, — ответила Аня. — Она на стройке работает, а там полно приезжих девчат.

Аня махнула рукой и устремилась к двери.

— Сейчас съезжу за вещами, и тут же назад.

Перед глазами мелькнули широкие бёдра, дверь хлопнула, и тут же вошла мать.

— Доброе утро.

Кивнув, я пробурчала «привет».

— Полагаю, ты слышала новость.

Мать, как всегда, растягивала слова. Я начала заводиться. «Она, видите ли, полага-а-ает».

— От Аниного переезда выиграют все. И ты, и я. К сожалению, у меня много работы. Сама понимаешь, должность главного редактора требует больших временных затрат. Не взыщи, что не уделяю внимания.

Поправив причёску, мать продолжила:

— С переездом Ани тебе не будет так одиноко. К тому же, Ане не надо платить за комнату.

«Какая забота. Однако начала с себя».

Аня приехала через пару часов. Она поставила сумки в гостиной и крикнула на всю квартиру:

— Таш, ползи сюда.

— Зачем? — пробурчала я.

— Глянь на мои богатства.

Я выползла из комнаты и с интересом уставилась на сумки. Аня достала вафельницу, допотопный магнитофон, плюшевого медвежонка и ворох вещей.

— Буду тебе вафли печь, — сказала Аня. — С варёной сгущёнкой. Не пробовала?

Я мотнула головой.

— Свет такой вкуснятины не видал.

Аня отложила вафельницу и погладила плюшевого мишку.

— Мамкин подарок. Двадцать пять лет с мишкой сплю. Обниму, и словно детством пахнёт.

Анин медвежонок не произвёл на меня впечатления. С маленькой головой, холкой на загривке, слегка облезлый. И посадка на четыре лапы, как у настоящих медведей.

— Мамка купила его в деревенском магазине.

Подкинув медвежонка, Аня рассмеялась.

— Чего только там нет. И хлеб продаётся, и водка, и галоши, и леденцы… Словом, супермаркет. Представляешь?

Я хмыкнула. «Чудно. В одном магазине галоши и хлеб».

— Все деревенские новости там. Бабы к окну притулятся, и ну языками чесать. И мужики в магазин часто заходят. Кто за водкой, кто за пивом. Глазами зыркнут, словечком пульнут и ну смотреть — какая реакция. А кто-то из баб свою пулю в ответ: «Ах, ты — нечистый дух».

Аня опять рассмеялась. Затем вытащила коробку из-под обуви и открыла крышку.

— Здесь хранятся кассеты. Видишь их сколько?!

Кассет я давно не видела. Мать перешла на диски и кассетный магнитофон выбросила.

— У меня есть и «Барыня», и «Горка»…

Воткнув кулаки в талию, Аня громко запела:

— Я на горку шла, тяжело несла.

Уморилась, уморилась, уморилася!

Анин голос пролетел по квартире, и мне стало весело. Сама не пойму, почему.

— Слышала такую?

Я в очередной раз качнула головой.

— Люблю народные русские песни. В них — потаённая сила. Споёшь, и словно заново родился.

Коробка с кассетами оказалась на подоконнике, рядом расположился горшок с геранью.

— Глянь, как теперь хорошо. Рядом и цветок, и песни.

Аня сорвала лист герани и сунула мне в нос.

— Чуешь, как пахнет?! Это тебе не лаванда.

Тут не поспоришь. Запах у герани — терпкий, будто летним жаром наполнен.

— Баба Дуня говорит, герань — волшебный цветок. И уши лечит, и моль отгоняет. В деревне герань — в каждом окне. У кого с белыми цветами, у кого — с розовыми. А у мамки — красная. По-моему, самая красивая.

За горшком появились кружевные салфетки. Аня положила их на спинки кресел, полки углового серванта и на журнальный стол.

«Вот мать удивится, — подумала я. — Ещё бы слоников в ряд, и а-ля начало двадцатого века».

— Салфетки меня баба Дуня научила плести. Трат никаких, а красиво. Скажешь?

Я кивнула. Не потому, что люблю кружевные салфетки — чтобы порадовать Аню.

«Пусть лежат. И цветок пусть стоит. А то в комнате — ни одного яркого пятна. А тут красная герань. Горит, как огонь».

— Свои вещи суну в кладовку, пусть там лежат.

Аня схватила сумку и вынесла её из комнаты. Видимо, одежда для неё ценности не представляла. Не то, что для матери.

21 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Лето этого года мы с Аней провели в деревне. Мать уехала на Корфу, а меня с Аней отвезла в Тверскую область. Впрочем, в деревне нам было неплохо. Дом прабабушки — ещё крепкий, воздух — чистый, кругом — луга и леса.

Как говорит Аня: «Сплошная красота».

Деревня, где когда-то жила бабушка Нюша, называлась Серьгово. За огородами — река, дальше — дремучие леса. Почему у деревни такое название, я не знаю. Может, из-за реки, что делает здесь петлю, может, по другой причине.

Дом бабы Нюши стоит на краю деревни. По деревенским понятиям — небольшой. Горница, кухня, мост. К дому примыкал двор, за ним — огород и сарай. За домом — луг, а за ним — река.

Нам с Аней в Серьгово нравилось. Поэтому и прожили в деревне не две недели, как предполагала мать, а три месяца. Мать звонила, предлагала отвезти в Москву, но раз за разом получала отказ. Похоже, её это устраивало. А нас с Аней подавно. Аня навела в доме порядок. Вымыла пол, высушила постель, постелила половики, скосила траву в огороде, посадила цветы и зелень. Целыми днями она носилась со мной по округе и ахала от восторга. Мы собирали ягоды, лежали на лугу, купались в реке, бродили по лесу.

Когда у Ани были дела, я сидела под яблоней. Надо мной колыхались листья, ветер целовал лицо, высоко в небе пели жаворонки. Временами наваливалась дремота, и я летела в другую реальность. Скорые поезда неслись сквозь тайгу, и слышался стук колёс: «Тук-тук-тук, вперёд. Тук-тук-тук, быстрей». Я видела вагоны сверху. Много поездов, идущих в одном направлении. И острые верхушки елей. Казалось, гигантский ёж выставил свои иголки, а среди иголок бегали поезда. Куда, неизвестно; зачем, тоже.

Однако реальность не отпускала. До меня доносились обрывки деревенских разговоров, блеяние соседской козы, плач ребёнка.

Наконец, я погрузилась в транс.

Как? Не знаю.

Лежала под яблоней, смотрела на облака и вдруг отключилась.

Транс

Казалось, перенеслась в душную ночь. Появилось ощущение пустоты. Я замахала руками, и ночь расступилась.

Передо мной простиралась пустыня. Я стояла на чёрном песке и озиралась. Да-да, стояла. Хорошо помню, что находилась в вертикальном положении. Подул ветер. Песок лез в ноздри, впивался в кожу. Через несколько мгновений всё стихло. Перегнувшись пополам, я раскашлялась. Натужно раскашлялась, до слёз. Под ноги летела слизь, и тут же уходила в песок. Сколько продолжался мой кашель, не знаю. Кажется, целую вечность. Наконец, прекратился.

Я вытерла слёзы, и взгляд упёрся в бетонную стену. Она стояла прямо передо мной, и не было ей ни конца ни края. Сердце разрывало грудь, перед глазами прыгали искры. И вдруг небо прорвало. Из узкой щели появился солнечный луч и, побродив по песку, ткнулся в мою ногу. Как в Анином сне. Пошевелив пальцами, я пошла. Медленно, тяжело, будто на костылях. Один шаг, второй, третий…

Бетонная стена приближалась, и я увидела сотни крючков. Большие, маленькие, витиеватые… — они походили на письмена. Я взялась за нижний крючок и подтянулась. Началось долгое «восхождение». Наконец, я вскарабкалась. Усевшись на край стены, я посмотрела вниз.

Передо мной простиралась равнина. Что удивительно, сразу в четырёх временах года — зимнем, осеннем, летнем, весеннем. Пахнуло сыростью, пошёл снег. Вернее, снег и дождь одновременно. Крупные капли дождя стучали по листьям, а там, где царила зима, кружились снежинки.

Я любовалась четырьмя пейзажами одновременно, пока не почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Внизу стояла девочка. Она махнула рукой и пошла через равнину к избушке. Та стояла на краю весеннего леса. Время от времени девочка оглядывалась на меня и приглашала идти за собой.

Я попыталась оторваться от стены, но ничего не получилось. Незнакомка уходила дальше и дальше. Наконец, подошла к лесу и, обернувшись, махнула рукой. Дескать, пока-пока. До встречи.

Я заплакала и проснулась. Рядом стояла Аня.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Меня приглашали в весну.

— Не плачь, — сказала Аня.

— В весенний лес мы ещё сходим.

23 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В Серьгово мать звонила регулярно. Спрашивала, что да как. На звонки отвечала Аня.

— Лариса Валентиновна, миленькая, не беспокойтесь. Всё у нас хорошо. Козьего молока сколько хочешь. Феликс Петрович мёда принёс. Баба Варя, что с другого конца деревни, яйца продаёт. И в магазин мы ходим. Как же без магазина? Да, ерунда. Что нам пять километров? Тропинки сухие, птички поют. Черники наберём по дороге. Таша её с молоком ест. Что? Дров полно — целый сарай. Нет-нет, Феликс не сжёг. Ой, он такой забавный…

Подмигнув, Аня продолжала с улыбкой:

— Как же, кавалерится. Не-е-ет. Я пошутила. Не пристаёт. Да куда ему приставать? Поди, лет шестьдесят. Сколько? Шестьдесят два? Ну вот, а вы всполошились.

Аня хохотала в голос. Отстранив телефон, она воскликнула:

— Ну, не могу.

Затем опять в трубку:

— Да-да. Позвоню. До свидания.

Феликс Петрович жил по соседству. Высокий, крупный, с седыми кудрями. Мать говорила, наша родня, а какая, она не знает. Феликса мать привечала, возила подарки, звонила иногда. Что говорить, нужный человек. И газовый баллон подключит, и в магазин съездит, а если приспичит, в больницу отвезёт.

«Феликс — настоящий хозяин», — говорила Аня.

А по мне, так кулак. Чего только не имел. Пасеку в двадцать ульев, «жигули», лошадь с жеребёнком, трактор, косилку, две коровы, десяток овец, козу, штук двадцать уток. Что интересно, кур Феликс Петрович не любил. Может, его петух в детстве клюнул; может, какая другая причина — не знаю. Так или иначе, яйца Аня покупала на стороне.

Я замечала, к Ане Феликс Петрович был неравнодушен. Подойдёт утром к окну и как гаркнет:

— Анюта, неужто спишь?

Аня выскакивала на крыльцо. Сарафан короткий, под ним ничего. Пышные формы наружу так и выпирают.

— Привет, Феликс Петрович. Знать, за водой собрался.

— Могу и сходить. Сколько тебе принесть?

— Да вёдер шесть, не меньше. Стирнуть хотела.

Феликс пожирал Аню глазами. Затем вздыхал и говорил:

— Хороша девка. Чай, отбоя от женихов нет.

— Зачем женихи? — игриво отвечала Аня. — Я сама по себе. Живу, как барыня. Встану, когда захочу. С Ташей чайку попьём, и на речку.

— Зубы не заговаривай, — усмехался Феликс Петрович. — То-то смотрю, в делах целый день.

— Да какие дела? Так, одна мелкота. Я сидела у окна и наблюдала из-за занавески.

Аня была хороша. Свежая, румяная — словно булка.

— Замуж тебе пора, — говорил Феликс Петрович. — Пошто красота пропадает?!

— Сватов задумал прислать? — улыбалась Аня.

— А что — пошла бы за меня?

— У тебя хозяйство большое. Да и староват ты для меня. Уж извини сердечно.

— Это верно, — вздыхал Феликс Петрович и шёл за водой.

Аня бежала на двор, долго плескалась у рукомойника и, блестя мокрым лицом, возвращалась в горницу.

— Ишь, какой жених отыскался, — улыбалась она и включала чайник. — По мне, так свобода дороже.

«Это верно, — думала я. — Ну их, мужиков. От них — сплошные проблемы».

Какие проблемы от мужиков, я не знала. Но фраза была на слуху, и у меня находила понимание.

24 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В августе в Серьгово — много гроз. Как говорит Феликс Петрович, река их притягивает. За несколько дней до приезда матери разразилась сильная гроза. Она налетела внезапно. Я лежала на диване и смотрела в окно, Аня вязала очередную салфетку. Горела настольная лампа, где-то шуршала мышь, пахло свежевымытыми полами. И тут наступила ночь. За несколько секунд. Молния осветила небо, и сразу раздался гром.

— Прямо над нами лупануло, — сказала Аня.

Я вспомнила чёрный вихрь.

— Ань, не боишься грозы?

— Чего бояться? — ответила Аня. — Как говорит мамка, от своего хвоста не уйдёшь.

Ветер юркнул в трубу, и грохнуло так, что задребезжали стёкла. Мелькнула мысль: вдруг загорится дом? Аня-то убежит. А что будет со мной? Чтобы отвлечься, решила завести разговор.

— Расскажи, как оказалась в Москве. Аня понимала меня с полуслова.

Не надо повторять, путаться в звуках. Прохрипела, и полный порядок.

— От мужа убежала.

— Почему?

— Мрачный был человек.

«Вот это да. Не знала, что Аня была замужем».

— Помнишь, рассказывала об агрономе?

Я кивнула.

— Ну, вот. Когда меня бросил, я собралась в город. Агроном в ту пору с Люськой-продавщицей встречался. Мамка то ли почуяла, то ли по деревне сплетни пошли. Словом, смотрела на меня волком, а сама думу думала. Уж, я-то свою мамку знаю. Если молчит, значит, мысли катает. Как-то сели мы ужинать, она и говорит: «В Павлов Посад поезжай. Там Зинка работает». Зинка — моя троюродная сестра. Ну, я и поехала. Зинка в Павлов Посаде комнату снимала, вот я и стала с ней жить. Она меня на фабрику устроила, сделала своей ученицей, потом уж сама пробивалась. Стояла у ткацкого станка, ткала шерсть для павловопосадских платков. Видела их?

Аня встала и, порывшись в сумке, вытащила красный платок. В середине — цветы и витиеватые узоры, по краям — бахрома.

— На всякий случай в деревню взяла. Вдруг в гости позовут — а без подарка неловко.

Аня накинула платок и прошлась по горнице.

— У меня таких штук десять. И шаль с кистями.

Платки меня не интересовали, и я повернула разговор в прежнее русло.

— А муж?

— Он инженером был. По павловопосадским меркам, видный жених. Квартиру имел, машину. Думала, Бог в награду послал, а вышло иначе — в испытание.

Я сочувственно хмыкнула.

— Сначала нормально жила. Помиловалась, в семью поиграла, уют навела. Потом тоска навалилась. Муж с работы придёт, и начинает нудить. Дескать, на фабрике — беспредел, в стране — бардак, люди — плохие, продукты — несвежие, дороги — раздолбанные. И так каждый день. Я улыбнусь, песню спою, приласкаюсь. Всё бесполезно. Ласку принимает, а сам своё: бабы распустились, мужики пьют, совести ни у кого нет. Слушала я, слушала и поняла — не будет у нас семьи.

— Почему поняла?

— Душно с ним. Будто сидишь в подполе и плесенью дышишь. Вот и развелась.

— Моя мать — тоже мрачная.

— Что ты, Таш, — воскликнула Аня. — Лариса Валентиновна на моего мужа ничуть не похожа. Тот мусор по жизни собирал, а твоя мать — потерянная.

Я удивлённо подняла брови.

— Что значит, потерянная?

— Ей бы замуж. Например, за посла. Тогда бы на месте была. Приёмы, красивые платья…

Я попыталась представить мать в официальной обстановке. А что? Аня права. Мать бы имела успех.

Гроза кончилась, и небо посветлело. Аня погасила свет.

— Пора спать. Она положила меня на кровать и поцеловала в лоб.

— Ты не плутаешь в лесу? — спросила я.

— Я живу на лугу, — улыбнулась Аня. — Вместе с ромашками и васильками.

Вот так-то. А где живу я?

25 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В середине августа в Серьгово приехала мать. Не одна — с мужчиной. Они появились под вечер. Я сидела под яблоней, Аня готовила ужин. Послышался звук приближающейся машины. Всё ближе и ближе.

«Интересно, кто это едет? — подумала я. — Феликс Петрович или туристы?»

Туристы на Медведице — не редкость. Они приезжали на пару дней и останавливались на берегу. Ставили палатки, жгли костры, пели песни. Иногда заглядывали в дом — смущаясь, с тысячами извинений. То соли попросят — дескать, забыли, то обливное ведро. Конечно, не насовсем — на время.

Машина остановилась у калитки. Я наблюдала за ней сквозь листву. Вышел высокий мужчина. Взялся за деревянные ворота, распахнул их, вернулся к машине. Джип взревел и, въехав на лужайку, встал перед самыми окнами. Хлопнула дверь, на крыльцо выбежала Аня.

— Сюрприз, — воскликнула она.

«Кого это принесло?» — недоумевала я.

Ветки заслоняли лужайку, полного обзора я не имела.

— Здравствуй, Аня, — послышался голос матери. — Знакомься, это Андрей.

— Очень приятно, — защебетала Аня. — Не ждали, не гадали. Надо же, как неожиданно.

Меня захлестнуло волной. Жаркой, до дрожи в коленках.

«Мать и любовник. Что же делать?»

— Таша в саду. Под яблоней.

Аня сбросила фартук.

— Сейчас помогу разгрузиться.

Я вжалась в кресло.

«Надо же, какая напасть».

Сердце колотилось, кружилась голова, состояние — близкое к панике. К тому же чёрт-те во что одета. Старые лосины, выцветшая майка, на голове — бейсболка.

На тропинке показалась мать.

— Таша, девочка моя.

Я нахлобучила бейсболку, вытерла лоб и с трудом разомкнула губы.

— Привет, — выдавила из себя.

Поцелуй в щёку, неловкое объятие, шаг в сторону. Мать заслонила солнце, и я оказалась в тени.

— Как ты посвежела.

«Скорей бы Аня пришла», — подумала я.

Та словно услышала. Вышла из дома и направилась к нам.

— Лариса Валентиновна, гляньте, сколько яблок. Красные, как огонь.

Мать посмотрела на дерево.

— Не видела таких.

— Неужто не видели? — удивилась Аня. — Это же мальва.

— В деревне наездом.

— И зря, что наездом. Здесь благодать. И Таше хорошо.

Из дома вышел мужчина. Закрыл машину, направился к нам.

— Андрей, познакомься, это Таша.

Мужчина приблизился к коляске, присел и посмотрел на меня. Глаза — синие, веки — в мелких морщинах, зачёсанные назад седые волосы, волевой подбородок, пухлые губы, крест на распахнутой груди.

— Будем знакомы, — сказал он и протянул руку.

Длинные пальцы коснулись руки и застыли.

— Наташа, — прошептала я.

Мать подняла брови. Я поняла, почему. Наташей меня дома не звали.

— Красивое имя, — сказал мужчина. — Латинское «наталис», значит «родная».

Он встал и слегка поклонился.

— Позвольте представиться — Андрей.

Я сдёрнула бейсболку и улыбнулась. Слегка, краешком губ. Андрей мне понравился сразу. Больше того, я почувствовала интерес. Что это — созвучие? Не знаю. Посмотрела в глаза и поняла: с этим человеком можно общаться. А почему — вопрос к психологам.

Мать облегчённо вздохнула. Я видела это. Верней, ощутила подсознательно.

— Не пойти ли нам в дом? — спросила она.

— Идите, — ответил Андрей. — А мы с Наташей поболтаем.

«Как мило звучит — „поболтаем“. Сумею ли я?»

— Да-да, конечно, — заторопилась мать. — Посидите в саду.

Она пошла к дому, следом за ней — Аня. Обернувшись на полпути, Аня показала большой палец. Дескать, классный мужик. Я кивнула в ответ и повернулась к Андрею. Тот наблюдал за закатом. Стройная фигура, чёрная футболка, узкие джинсы. И белые волосы до плеч. Красивый.

— Как думаешь, какие в закате цвета? — спросил Андрей.

Я посмотрела на солнце.

— По-моему, что-то с перламутром.

Как всегда, каша во рту, однако Андрей понял.

— Умница. Но как подобрать перламутр?

Глубоко вздохнув, он добавил:

— Цвета благодати.

Я улыбнулась. Говорит, будто Аня. Осталось только услышать: «глянь, какая красота».

Андрей оправдал надежды. Он потянулся и раскинул руки. Казалось, решил обнять весь деревенский пейзаж — луг, деревню, лес, яблоню с красными яблоками.

— Боже, какая красота, — воскликнул он.

Я рассмеялась. Легко, радостно, с горловым переливом. Вот уж не ожидала от себя.

— Разве не так? — спросил Андрей.

Кивнув, я закрылась бейсболкой.

Почему закрылась? Да потому, что знаю: когда смеюсь, выгляжу глупо. Видела в зеркале. И не раз.

— Убери бейсболку, — приказал Андрей.

— Почему? — пискнула я из-под шапки.

— Когда человек смеётся, выглядывает душа.

— Моя душа дурацкого вида.

— С чего ты взяла?

Андрей отстранил кепку и, глядя мне в глаза, сказал:

— Запомни, ты из редкой породы людей, которая может обходиться без масок.

— Не ожидала, — ответила я.

— Божий дар, между прочим.

Мать с Андреем гостили три дня. Куда бы они ни шли, брали меня с собой. Инициатива исходила от Андрея. Он усаживал меня в коляску, и мы мчались вперёд. Купались, ходили в лес, бродили по лугам, сидели на берегу, жгли костры. Последнее доставляло мне особое удовольствие. Треск дров, пляшущие язычки огня… — словом, романтика.

Однажды, нацепив хлеб на палку, Андрей опалил его над костром.

— Попробуй, — протянув мне, сказал Андрей. — Нет ничего вкуснее хлеба, обожжённого огнём.

Откусив небольшой кусочек, я кивнула в ответ. И правда, вкусно. Горячий хлеб с запахом дыма. Андрей посмотрел на костёр и запел. Голос у него — низкий, приятный, с лёгкой хрипотцой.

— Дым костра создаёт уют, искры гаснут в полёте сами,

Пять ребят о любви поют чуть охрипшими голосами…

Песня летела над Медведицей, и та ей тихонько вторила.

— Уют, искры, любовь…, — журчала река.

Последнее слово задержалось надолго. Оно понеслось по течению, и на него отозвался лес.

— Лю-ю-бо-овь, — проскрипели деревья.

— Лю-ю-бо-овь, — зашелестела трава.

Андрей замолк, и мать сложила ладони. Несколько хлопков, за ними слова, похожие на ириску. Тягучие, приторные, застревающие в зубах.

— Бра-а-а-во, — сказала она. — Не знала, что ты поёшь.

Я взглянула на мать. Её губы изображали улыбку (именно так — изображали), а глаза были невесёлыми.

Я ощущала жалость и досаду одновременно. Второе чувство было привычно, но почему появилось первое?

— Походная песня, — прокомментировал Андрей.

Взглянув на мать, он спросил:

— Ходила в походы?

— Было дело, — ответила мать. — И у костра пела.

«Как странно ответила, — удивилась я. — На сей раз без позы, нормальными словами. Неужели не врёт?»

— Спой, — попросил Андрей.

Я напряжённо ждала. При мне мать не пела. Вот стихи читала охотно. В любое время суток. А песни… Может, колыбельные? Такое я допускаю. Жаль, что не помню.

— Я вас люблю, мои дожди, — запела мать.

Голос — неуверенный, тихий. Видно, волнуется.

— Мои тяжёлые осенние.

Голос окреп и полетел над рекой.

— Чуть-чуть смешно, чуть-чуть рассеянно.

Я вас люблю, мои дожди.

«Неплохо поёт, — подумала я. — И слух есть, и голос».

Мать откашлялась и запела выше.

— А листья ластятся к стволам.

А тротуары, словно зеркало.

И я плыву-у-у по зеркалам.

В которых… отражаться некому.

Андрей притянул мать и поцеловал. В губы. Коротко поцеловал, как-то по-родственному.

— Красивая песня, — сказал Андрей. — Запиши для меня.

От похвалы мать раскраснелась и сразу похорошела.

— Записать? — переспросила она. — Зачем?

— Будем петь вместе, — улыбнулся Андрей. — На два голоса.

— Думаешь, у нас получится?

— Не сомневаюсь.

Андрей встал и затоптал костёр.

— Пора домой.

Наша процессия тронулась к деревне. Впереди я на коляске, за мной Андрей и мать. Я не сомневалась: одной рукой Андрей толкал коляску, другой обнимал мать.

Всё-таки удивительный человек, чем-то похожий на Аню. Такое впечатление, что у них обоих — огромный запас любви. Бескорыстной и искренней.

Ближе к ночи я и Андрей сидели на крыльце. Аня мыла посуду, мать улеглась с книгой. Сначала мы с Андреем слушали деревенские звуки. Залаяла собака, всхрапнула лошадь, где-то дрались коты. Потом заговорили о песнях.

— Хочешь, спою любимую? — спросил Андрей.

Я кивнула. Мы сидели плечом к плечу, и сердце сжимали новые ощущения. Нет-нет, бурления в крови не было. Разум контролировал эмоции, и я понимала: той любви, о которой пишут в книгах, в моей жизни не будет. Видимо, это надо понять и смириться.

Меня волновало моё состояние. Я чувствовала, с приездом Андрея во мне что-то изменилось. Отчаяние и протест пропали, их место заняла мысль: жили бы одной семьёй — я, мать, Андрей, Аня. Собирались бы за столом, вели бы неспешные разговоры. Аня и Андрей дарили бы свою любовь, глядишь, и мы с матерью изменились бы. Научились бы видеть благодать, которая сейчас, увы, нам недоступна.

Притянув меня к себе, Андрей прошептал в ухо:

— Эту песню надо петь тихо. Знаешь, почему?

Я пожала плечами. Неизъяснимое блаженство наполнило мою душу, и стало покойно, как никогда.

— Потому, что она — волшебная.

Андрей запрокинул голову и, не отрывая взгляда от неба, запел:

— Есть десяток звёзд над головой…

Прижавшись к Андрею, я впитывала тепло, и меня заполняло ощущение счастья.

«Неважно, какое это тепло — мужское или женское, — думала я. — Просто ТЕПЛО. С большой буквы. Оно необходимо для сердца. Чтобы не замёрзло, чтобы стучало в ответ».

Мне кажется, в тот вечер мои глаза светились в темноте. Как звёзды, о которых пел Андрей. Не могли не светиться, ведь в душу вошло тепло. А вместе с ним — свет. Ведь свет и тепло связаны друг с другом. Значит, одно привлекает другое.

— Эти десять звёзд — как маяки. На краю неведомой земли…, — пел Андрей.

Я смотрела на звёзды и думала о матери, о себе, об Ане с Андреем. Я знала, они появились неслучайно. Видимо, и им, и нам с матерью надо было прожить вместе какой-то кусок жизни. И что-то понять.

— А наши песни слушают леса, — повысил голос Андрей. —

И в чаще леса прячется беда…

Где-то промычала корова, Аня громыхнула кастрюлей.

«Пусть прячется беда, — слушая Андрея, думала я. — В глубокий колодец, в чащу леса, на дно реки. Хватит. Нахлебались беды досыта. И я, и мать».

— Ну, как? — улыбнулся Андрей. — Понравилось?

— Да, — выдохнула я. — Твоя песня заставляет думать.

Андрей прижал меня ещё крепче.

— Тебе никто не говорил об уме?

— Что-то не то сказала? — насторожилась я.

— Наоборот.

Андрей улыбнулся.

— Ты — не по годам умная девушка.

— Скажешь тоже, — ответила я (мы перешли на «ты» в первый же день). — В моей голове — одна только ерунда. И порой недобрая.

— Ой ли?

Мы рассмеялись одновременно. Андрей звонко, я — с бульканьем в горле. И вдруг Андрей замолчал. Он развернул меня и посмотрел в глаза. В его взгляде мерцала ночь. Не тёмная — с далёкими звёздами.

— В отличие от матери ты — живая, — сказал Андрей.

— Странное утверждение, — ответила я.

— Лариса, к сожалению, спит.

— Может, и так.

Сказала и запнулась.

— Таких, как Лариса, много, — продолжил Андрей. — Спят наяву. Некоторые уходят, не проснувшись. Грустно. Верно?

— Аня сказала, мать как потерянная. Бродит по лесу, а выйти не может.

— Анюта — мудрая. Я это сразу понял. Есть в ней что-то глубинное, от земли.

На этой «ноте» наш разговор закончился. Вышла Аня и, подхватив меня, унесла в мой закуток. Андрей ушёл спать на сеновал. Устраиваясь в своей кровати, я посмотрела через занавеску на мать. Она лежала на диване с закрытыми глазами. То ли спала, то ли притворялась. Мать не поймёшь. Однако «заноза» засела. «Спит наяву». Верно. Но что с матерью происходит? Здорова ли она?

Этот вопрос прозвучал впервые, и тому были причины. С момента рождения у меня было особое положение. Я — больная, мать — здоровая; я могу похандрить, мать обязана «держать лицо».

27 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В памяти остались картинки из лета:

1)
Жара. Блики на воде. Крик грачей.
Аня купается в реке.
Я лежу на берегу и смотрю в небо.
— Та-ша-а-а-а!
Я повернула голову.
Аня — на перекате. Волосы — в мокрых кудряшках, на теле — гирлянда из водорослей. Большая, тучная. Как мать-Земля.

2)
Август. Вечер. Ползёт туман. Вот он добрался до деревни и улёгся на крыши. Мы с Аней смотрим в окно. Кажется, кроме тумана, и нет ничего.
— Я буду с тобой всегда, — говорит Аня.
Мне стало щекотно. Будто попала в сказку.
— Зимой будем жить в городе, летом — в деревне.
Я вздохнула.
— Зимний вечер, газоны в снегу…
— Снег, летящий на землю.
— Его послал Лунный Заяц.
— Кто же ещё?!
— Мы снимем варежки и подставим руки…
— И поймаем снежинки.
— И загадаем желания.
— Верно.
— У меня два желания. Первое — ходить, второе — сочинять сказки.
— Твои желания исполнятся, — уверенно говорит Аня и, подумав, добавляет:
— Увидишь.
Мне стало тепло. Может, и впрямь исполнятся?

28 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.
Меня разбудил телефонный разговор.
— Да-да, слышу, — сказала Аня. — Что же вы раньше не позвонили? Через сколько приедете? Да вы что?! И сразу назад? Всё. Поняла. Собираюсь.
Аня дала отбой и влетела в мою комнатушку.

— Проснулась? Вот и отлично. Андрей едет. Три часа на сборы, и тут же в Москву. Вот беда-то.

Я плохо соображала со сна, однако Анино беспокойство меня всколыхнуло.

— Почему беда?

— Яблоки не успею собрать.

«Нашла о чём волноваться».

Аня подняла меня с кровати и усадила на горшок.

— Я мигом. Сумки принесу, и назад.

«Что за спешка? — сидя на горшке, думала я. — Переночевал бы в деревне, а завтра поехали бы».

Аня вернулась в комнату и разразилась длинной тирадой.

— Ну, не могу. Москвичи вечно спешат. Всё у них на лету. Разговоры, дела… Даже любовь. А утром опять круговерть. Дорога, работа, встречи. Чокнуться можно. Ни поговорить, ни приласкать, ни в душу заглянуть. Им, видите ли, не-е-е-когда.

Аня скрутила куртки и, бросив их в сумку, продолжила:

— И Андрей — такой же. Нет, чтобы из Москвы позвонил. Куда там. Выехал, и молчок. Теперь ему двадцать километров осталось. Пока тебя умою, одену, и приедет.

Я дёрнулась и опрокинула горшок.

— Стоп, — воскликнула Аня. — Не шевелись.

Она подскочила ко мне и бросила в лужу полотенце.

— Потом выброшу. Или на тряпки пойдёт.

Я всхлипнула.

— Не переживай. Мало ли что бывает. Я, например, однажды в толчок провалилась.

Чем закончилась эта история, я не узнала. За окном показался джип. Аня метнулась ко мне и, посадив на кровать, схватилась за тряпку.

— Права мамка, — вздохнула Аня. — Заторопка со спотычкой рядом живут.

«Ну и словечки. И где только их берут?»

В комнату вошёл Андрей.

— Здравствуйте, барышни, — сказал он.

— Добрый день, — ответила Аня. — Вы, как ракета.

Я дёрнулась и изобразила улыбку.

— К вечеру в Москву надо вернуться.

— Что за спешка?

— Лариса заболела.

— Батюшки мои, — всполошилась Аня. — Что случилось?

— Аппендицит. Похоже, с осложнением.

Андрей взял меня на руки и добавил:

— К реке сходим — ладно? А ты, Аня, собирайся.

— Да-да. Я живо.

До берега мы доехали молча. Андрей остановился у липы и, вытащив меня из коляски, посадил на траву. Мелкая рябь покрывала воду, и мне казалось, что река щурится на солнце. Тишина и покой. Ивы полоскали в воде узкие листья, в заводи застыли кувшинки.

— Скоро налетит ветер, ивы заледенеют, и берег укроет белый саван, — сказал Андрей.

Я сморщилась, как от зубной боли. Не люблю слово «саван».

— Но мы-то знаем, что будет дальше, — продолжил Андрей. — Четыре месяца сна, за ним — пробуждение. Запахнет весной, забурлит вода, проснутся деревья, и мир преобразится. Берега накинут зелёные кружева, и россыпь мать-мачехи возвестит о начале нового цикла.

Андрей усмехнулся.

— Или старого? — спросил он. — Ведь всё повторяется.

— Нового, — ответила я.

— Верно. Посмотри на реку. Минуту назад она была другой. Поняла, о чём речь?

Я кивнула. Всё ясно. У каждого мига — своя картинка. И у человека тоже. Малейшее изменение в сознании, и ты — другой. Взять, например, меня. До пятнадцати лет сидела в болоте. Вокруг колыхалась мёртвая вода, в голове — застой. Казалось, кроме болота и нет ничего. Стоило подтянуться, подняться на кочку, как всё изменилось. Я увидела лес, поляну с цветами, почувствовала дуновение ветра. Это что — новая жизнь? Но она была раньше. Где-то рядом. И трясина была. И я — в ней. Жуткое испытание. Может, это — расплата? За мои мысли, ненависть, злые слова.

Однако в любом болоте есть дно. Это очевидно. В каком-то близко, в каком-то далеко. Мне повезло. Я выползла на поверхность и увидела свет. Но зачем?

Я взглянула на Медведицу. Та же прозрачная вода, те же кувшинки, тот же песок. И в то же время другие. Река — тоже живое существо.

— Веришь в Бога? — спросил Андрей.

— А ты? — вопросом на вопрос ответила я.

Андрей просветлел лицом.

— Верю.

Во мне шевельнулась зависть. И я хочу верить. Старые мысли ушли, а новые… они — сырые, незрелые.

— Можешь ответить на вопрос? — спросила я. — Есть ли смысл у страданий?

Покосившись на меня, Андрей сказал:

— Однажды Будду спросили: «Отчего происходят страдания?» Он ответил рассказом: «Охотника поразили стрелой. Он застонал и упал. Нужно ли в этот момент спрашивать, откуда стрела, и из чего она сделана? Конечно, нет. Охотник постарается извлечь стрелу и встать на ноги». Так же и в жизни. Если человек страдает, надо вынуть стрелу, а потом задавать вопросы.

То ли день был такой, то ли в воздухе витало что-то особое, но разговор получился серьёзным. Андрей говорил, я слушала.

Однако что-то отвлекало. Может, дурное предчувствие?

Ни одного слова о матери, только отвлечённые темы.

Андрей смотрел на реку и рассказывал о себе.

— Когда-то я был другим. Жил для внешнего мира, отдавал ему своё время. Меня волновали успех, внешний вид, мнения окружающих. Что сказали? Как посмотрели? О чём думают?

Я ощутила боль. Она появилась в груди и рвалась наружу. Будто нарыв.

— Полное рабство. Понимаешь?

Я кивнула. Знакомое состояние.

— Потом умер сын. Я погрузился в себя и неожиданно понял: внутреннее видение и есть моя суть. Его невозможно достичь, пока мысли и действия подчинены внешнему миру.

Андрей взглянул на меня. Дескать, понимаю, о чём идёт речь? Затем добавил:

— Знаю, о чём думаешь. Дескать, мне бы твои заботы. Встать бы на ноги, пойти…

Я промолчала. Что говорить? Кто не болел, не поймёт. Как бы хотелось пожить в мире, из которого ушёл Андрей. Посмотреть на людей, пообщаться, куда-то бежать, с кем-то спорить. Хотелось бы уставать от движений, недосыпа, толпы, многолюдности, шума, суеты. Андрею легко говорить — он свободен. Захотел, вышел на люди; захотел, погрузился в себя.

— Уйдя от внешнего мира, я услышал тишину.

Андрей встал с травы и поднял руки. Казалось, потянулся к облакам. Или к солнцу. А может, к Вселенной? Не оборачиваясь, добавил:

— Тишина — голос души.

«Вот удивил, — подумала я. — Если верить словам Андрея, душа безмолвна. Ну уж, нет. Я-то знаю, как она многословна. Бубнит и бубнит целыми днями».

Андрей посадил меня в коляску, и мы поехали к деревне. И в это время раздался звонок. Андрей достал мобильник.

— Слушаю, — сказал он.

Одно только слово, за ним — тишина. Ни крика петухов, ни мычания коров, ни плеска реки. Я напряглась.

«Почему он молчит? Почему не отвечает?»

На меня опустился страх. Чёрный, липкий, будто горячий асфальт.

— Понял, — наконец отозвался Андрей. — К вечеру приеду. Раньше не получится. Я далеко — за триста километров от Москвы.

Андрей дал отбой и застыл. Я чувствовала, что этот звонок связан с матерью. Я была в этом уверена.

Ошеломлённо взглянув на меня, Андрей глухо сказал:

— Лариса умерла.

Тело пронзила судорога, к горлу подошла тошнота.

Не-е-е-е-е-ет!!! Не может быть! Не верю!

Я попыталась встать.

Как бы ни так.

«Мать! Ты не могла умереть! КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ Я?»

— Вчера отвёз Ларису в больницу, — пробормотал Андрей. — Хирург сказал, перитонит. Опасно — да, но, чтобы угроза смерти… — нет, такого не говорил.

Мы подъехали к дому, и взгляд упёрся в наполненный яблоками таз.

— Гляньте сюда. Разве не красота?! — воскликнула Аня.

Да уж. Яблоки из сказки о мёртвой царевне.

Путь в Москву помню плохо. В памяти остались руки Андрея, вцепившиеся в руль, и плач Ани. И ещё песня Высоцкого. Она вырвалась из приёмника, когда машина выехала из деревни.

Я несла свою беду по весеннему по льду.
Надломился лёд, душа оборвалася.
Камнем под воду пошла, а беда — хоть тяжела,
Да за острые края задержалася…

29 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Ночь. За окном — две звёзды. Будто глаза. Тёплые и живые.

— Мама-а-а, — крикнула я. — Не уходи-и-и-и!

Ветер открыл окно, забились занавески. Стекло растворилось, и мощные потоки воздуха заполнили грудь. Я вылетела в окно, как птица.

— Лечу-у-у-у!

Внизу проносились равнины, леса, реки. Не успев насладиться полётом, пошла на снижение. Ноги дотронулись до земли, побежали. Медленней, ещё медленней… Бег перешёл на шаг. Я оглянулась. Среди леса мелькнула тропа. Она вела к узкой полоске пляжа.

Я села на камень и заплакала. Я плакала не от жалости к себе. И не от боли. Я плакала от счастья. Огромное, бесконечное счастье окружало меня. И мне хотелось стать лучше и чище. Хотелось стать такой же светлой, как это озеро, как эта земля, как это прозрачное небо.

30 декабря, день

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.